

На следующее утро, в девять часов, все приглашённые журналисты собрались на пресс-конференции. Чжэн Инь всю ночь работал с юристами, подготавливая соглашение, которое журналисты должны были подписать перед входом. В соглашении говорилось, что они не имеют права разглашать личную информацию о семье Цао Сююаня, иначе понесут юридическую ответственность.

В студии, освещённой ярким светом, журналисты занимали места, устанавливали камеры, переговаривались, ожидая появления Лян Сычжэ. Около половины десятого из-за кулис появился Лян Сычжэ, а за ним — его агент Сюй Юньчу. Когда он вышел на сцену, осветители включили прожекторы, и яркий луч света упал на центр сцены. Лян Сычжэ подошёл к высокому стулу в центре круга света и сел. Его появление вызвало ажиотаж, защёлкали фотоаппараты.

Он был одет просто: чёрная футболка, чёрные брюки и слегка свободная джинсовая куртка. Это был его привычный образ — таинственный и немного бунтарский. Сотрудник подошёл к нему, чтобы проверить звук. Лян Сычжэ слегка приподнял голову, поправил микрофон и кивнул. Сюй Юньчу, казалось, давала ему последние наставления. Лян Сычжэ, отвечая ей, снял джинсовую куртку:

— Душно, — сказал он.

Сюй Юньчу взяла куртку и вернулась за кулисы. Она не беспокоилась о том, как Лян Сычжэ справится с интервью. Хотя он часто отказывался от общения с прессой, он умел импровизировать, и если он соглашался на интервью, то результат обычно был хорошим. На сцене был только один ведущий, который давал слово журналистам. Ровно в половине десятого ведущий повернулся к Лян Сычжэ. Тот посмотрел на часы, потрогал провод микрофона и сказал:

— Начинайте.

Почти все журналисты подняли руки. Ведущий выбрал репортёра из газеты, сидевшего в заднем ряду. Репортёр встал и спросил:

— Лян Сычжэ, ходят слухи, что режиссёр Цао Сююань, зная, что фильм будет запрещён к показу в течение пяти лет, всё равно подал заявку на участие в премии «Золотая статуэтка», чтобы вы снова получили награду за лучшую мужскую роль. Это правда?

Лян Сычжэ посмотрел на репортёра и ответил:

— Цао-лаоши не говорил мне, о чём он думал, когда подавал заявку.

— Как вы считаете, кто больше заслуживает награду за лучшую мужскую роль — вы или господин Чжу Цинъюнь?

— Заслуживает? — переспросил Лян Сычжэ. — Жюри уже сделало свой выбор.

— А что думаете вы? Считаете ли вы решение жюри справедливым?

Лян Сычжэ помолчал несколько секунд, а затем спросил:

— А вы как считаете?

Репортёр замялся и сказал:

— Сейчас я задаю вам вопросы.

Лян Сычжэ улыбнулся:

— Думаю, мой ответ совпадает с вашим мнением.

Он ловко уклонился от ловушки, расставленной журналистом. Чжэн Инь сидел в зале и наблюдал за Лян Сычжэ. Он помнил семнадцатилетнего юношу, острого как лезвие ножа, который стоял перед ним пять лет назад. Тогда он дал Лян Сычжэ характеристику «слишком твёрдый, легко ломается». Он не ожидал, что в этом юноше окажется такая стойкость, которая поможет ему достичь нынешних высот.

Но это был только первый вопрос. Журналисты крупных изданий были сдержаннее, их вопросы имели границы. Но чем дальше, тем вопросы становились острее и касались всё более личных тем, особенно от репортёров мелких газет и интернет-изданий. Наконец, кто-то спросил о его прошлом:

— Лян Сычжэ, говорят, что до того, как вы снялись в фильме «Тринадцать дней», ваши родители сбили человека на машине. Это правда?

В зале воцарилась тишина. Все ждали ответа Лян Сычжэ. Они сами не решались задать этот вопрос, но были рады, что осмелился кто-то другой. Ведущий, почувствовав напряжение, попытался сгладить ситуацию:

— До «Тринадцати дней» Сычжэ не был публичной фигурой, он может не отвечать на вопросы об этом периоде.

— Разве не было сказано, что он ответит на любой вопрос? — возразил репортёр. — В соглашении, которое мы подписывали, об этом ничего не говорилось.

— Да, было обещано, что он ответит на любой вопрос, — поддержали его другие журналисты.

Лян Сычжэ молчал, несколько секунд глядя на репортёра. Чжэн Инь, сидевший в зале, тоже посмотрел на него. Это был невысокий мужчина невзрачной внешности, с блестящими глазами за стёклами очков. Чжэн Инь понимал, что это самый неприятный тип журналистов. Им всё равно, что чувствует собеседник, главное — написать сенсационную статью, они всегда готовы задать любой вопрос.

Лян Сычжэ, сидевший на сцене в луче света, сцепил пальцы, которые до этого лежали на коленях, и начал хрустеть костяшками. Если бы камера приблизилась, можно было бы увидеть как вздулись вены на его руках. Чжэн Инь едва заметно вздохнул. Вчера, когда они обсуждали пресс-конференцию, он предупреждал Лян Сычжэ, что среди сотни журналистов обязательно найдутся те, кто задаст неприятные вопросы. Но Лян Сычжэ ответил: «Ничего страшного». Действительно ли не было ничего страшного?

«Он всего на два года старше Цао Е», — вдруг подумал Чжэн Инь. Но даже пять лет назад, во время их первой встречи, он не воспринимал Лян Сычжэ как ребёнка. С самого начала Лян Сычжэ держался резко, обороняясь, никогда не показывая слабости и не давая повода относиться к себе как к ребёнку. Но лезвие, направленное на других, ранит и того, кто его держит. После недолгого молчания Лян Сычжэ сказал:

— Я отказываюсь отвечать на вопросы о моей семье.

Репортёр не унимался:

— Если обещание «ответить на любой вопрос» недействительно, то действительно ли соглашение, которое мы подписали?

— Ответить на любой вопрос относится к вопросам обо мне, — спокойно ответил Лян Сычжэ, — а не о моей семье.

— Тогда скажите, — не унимался журналист, — спустя столько лет, вы навещали семью погибшего?

Лян Сычжэ промолчал, а затем спросил:

— Вы из какого издания?

— Вы спрашиваете, потому что собираетесь внести нас в чёрный список и больше не давать нам интервью?

— Я рассматриваю такую возможность.

— Если вы будете вносить в чёрный список каждое издание, журналист которого задаст вам неудобный вопрос, кто осмелится задавать вам вопросы?

— Если никто не осмелится, — спокойно ответил Лян Сычжэ, — то эта пресс-конференция может быть закончена.

Сюй Юньчу, наблюдавшая за происходящим из-за кулис, видя, что обстановка накаляется, попросила ведущего через наушник дать слово следующему журналисту. Репортёр сначала не хотел уступать, но другой журналист уже начал задавать свой вопрос, и ему пришлось сесть. Следующий журналист тоже попытался затронуть прошлое Лян Сычжэ:

— В вашей бывшей школе говорят, что вы были первой скрипкой в школьном оркестре. Почему же во время съёмок фильма «Тринадцать дней» вы пользовались услугами дублёра?

Он хотел вывести Лян Сычжэ на разговор о прошлом, потому что всех интересовала его жизнь до того, как он стал известным. Если бы Лян Сычжэ произнёс слово «авария», они бы тут же опубликовали заранее заготовленные заголовки. Но Лян Сычжэ не собирался раскрывать свои раны и отделался коротким ответом:

— Я так захотел.

Атмосфера на пресс-конференции стала ледяной. Все журналисты поняли, что Лян Сычжэ не будет сотрудничать. Некоторые начали тихо возмущаться. Они пришли с уже готовыми статьями, основанными на слухах из интернета, и ждали только слов Лян Сычжэ, чтобы опубликовать их и первыми сообщить сенсационную новость. Но Лян Сычжэ занял оборонительную позицию, избегая всех острых вопросов и отказываясь говорить о своём прошлом. Что же тогда интересного оставалось на этой пресс-конференции? Ещё один журналист встал и спросил:

— Говорят, что перед началом съёмок фильма «Тринадцать дней» вы соперничали с сыном режиссёра Цао Сююаня за роль сяо Маня. Как вам удалось получить эту роль?

— В соглашении указано, что я не буду говорить о семье режиссёра Цао, — ответил Лян Сычжэ.

— Хорошо, тогда вернёмся к вам. Не связано ли то, что вы получили роль, с вашими недавними слухами о романе с режиссёром Цао?

— Вы поверите, если я скажу, что эти слухи ложные? — перед пресс-конференцией Лян Сычжэ переоценил своё терпение. К середине интервью он начал раздражаться, ему надоело увиливать от ответов, и он стал отвечать резко, в своей обычной манере. Журналисты в зале заметили его настрой. В этот момент он увидел, как кто-то подбежал к Чжэн Иню, сидевшему во втором ряду, и что-то шепнул ему на ухо. Лян Сычжэ заметил, как изменилось лицо Чжэн Иня, и его сердце дрогнуло. Что-то случилось? Что-то с Цао Е или с Цао-лаоши?

Чжэн Инь что-то коротко ответил человеку и встал, оглядывая задние ряды, словно кого-то искал. Этот человек быстро подбежал к сцене. Чжэн Инь просил его передать ведущему, чтобы

тот приостановил пресс-конференцию, но, проходя мимо Лян Сычжэ, тот схватил его за руку:

— Что случилось?

— Кто-то собирается опубликовать видео с сыном режиссёра Цао, — быстро и тихо проговорил человек. — Кажется, его уже выложили, но файл большой, и загрузка ещё не завершена. Дядя Инь хочет приостановить пресс-конференцию...

Не дожидаясь, пока он договорит, лицо Лян Сычжэ изменилось, и он встал со стула. Видя, как Лян Сычжэ встаёт с мрачным лицом, журналисты в зале проследили за его взглядом. Лян Сычжэ увидел, как Чжэн Инь подошёл к тому самому невысокому журналисту, который задавал вопрос о его семье. Репортёр тоже встал, и они начали о чём-то говорить.

— Вы же не это обещали! — вдруг повысил голос репортёр. — Какое «ответить на любой вопрос»? Прошёл час, а он ни на что не ответил! Как мы можем сделать из этого главную новость?

— Да, — поддержали его другие, — это совсем не то, что было обещано!

— Нельзя же так с нами поступать!

— Мы подготовили материалы, а он всё обходит стороной, ни на что не отвечает.

— Из этого никак не сделать главную новость.

На самом деле, их жалобы были не беспочвенны. Лян Сычжэ уклонялся от ответов, это был его обычный стиль общения с журналистами. Он обходил ловушки, расставленные в вопросах, и переводил разговор в другое русло. Он не любил создавать сенсации и не хотел быть в центре внимания. Вне съёмочной площадки он серьёзно относился только к интервью о фильмах, а вопросы о личной жизни всегда умело обходил. Но присутствующих журналистов такие ответы не устраивали. Лян Сычжэ был слишком умён, слишком хорошо умел защищаться, и нейтрализовал все потенциально сенсационные вопросы.

Лян Сычжэ сделал несколько шагов вперёд, а затем, присев, спрыгнул с полуметровой сцены. Голоса недовольных стихли. Все обернулись, наблюдая, как Лян Сычжэ спускается со сцены и направляется прямо к невысокому журналисту. Он излучал такую враждебность, что, несмотря на смягчающий эффект света на сцене, теперь, когда он спустился, все почувствовали исходящую от него угрозу и, освобождая ему дорогу, молча расступились. Глядя на этого молодого человека, которому едва исполнилось двадцать два, они вдруг осознали, что он не ручная птичка в клетке, запертая в круге света на сцене. Он лишь временно находился там, как хищный зверь, выжидающий удобного момента для нападения.

Лян Сычжэ подошёл к журналисту, взглянул на экран его открытого ноутбука. На экране

отображался процесс загрузки видео. Чжэн Инь, видимо, пытался отменить загрузку, но безуспешно. Видео продолжало загружаться, появилось окно с запросом пароля.

Лян Сычжэ, возвышаясь над невысоким репортёром, холодно произнёс:

— Отмените загрузку.

— Большая звезда лично спустилась к нам, — с издёвкой ответил журналист, глядя на него снизу вверх. — Какие у вас отношения с Цао Сююанем, что вы так защищаете его семью?

Индикатор показывал 70%, цифры продолжали медленно, но неуклонно расти. Меньше, чем через минуту это видео станет достоянием общественности. Лян Сычжэ, держа ноутбук одной рукой, поднёс его к журналисту и холодно повторил:

— Отмените загрузку. Быстрее.

— С какой стати? Это вы первыми нарушили договор.

Загрузка, казалось, ускорилась. Лян Сычжэ нетерпеливо спросил:

— Вы отмените загрузку или нет?

— Нет, — упрямо ответил репортёр. — Разбейте компьютер, если сможете.

Лян Сычжэ замахнулся, словно собираясь разбить ноутбук. Чжэн Инь поспешно вмешался:

— Сычжэ, успокойся! — он выхватил ноутбук и нажал кнопку выключения.

— Думаете, я один хочу опубликовать это видео? — разъярённо закричал репортёр, не сумев удержать ноутбук. — Вы обманули нас этой пресс-конференцией, выставили нас дураками!

Вокруг него слышались одобрительные возгласы. Если так пойдёт и дальше, неизвестно, сколько ещё изданий опубликуют видео, и всё обернётся самым худшим образом. Лян Сычжэ вдруг схватил репортёра за воротник. Репортёр испуганно попытался вырваться:

— Что вы делаете? Вас снимают камеры! Вы что, хотите меня ударить?

Но ему не удалось освободиться. Этот молодой человек обладал невероятной силой, и от него исходила мощная, пугающая аура. Журналист вдруг понял, что перед камерами Лян Сычжэ сдерживался, а сейчас, когда он дал волю своей ярости, он был похож на дикого зверя, которого никто не мог укротить.

— Вы хотите сенсацию? — Лян Сычжэ с силой прижал его к стене и, наклонившись к его уху, прошипел. — Я вам её устрою.

Автору есть, что сказать: Ещё одна глава — и действие перенесётся в наши дни.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130303>